

Г. А. МЕНОВЩИКОВ

ЭСКИМОССКО-АЛЕУТСКИЕ ЯЗЫКИ И ИХ ОТНОШЕНИЕ К ДРУГИМ ЯЗЫКОВЫМ СЕМЬЯМ

1. История заселения и освоения человеком северо-восточных окраин Сибири и субарктической зоны Североамериканского континента связывается прежде всего с историей образования и последующего разделения эскимосско-алеутской этнической общности. Данные сравнительных исследований различных типов материальной культуры, относящихся к палеолитическому и неолитическому периодам, а также факты сравнительного изучения языков древнего населения субарктического ареала свидетельствуют о несомненном генетическом родстве протоэскимосоалеутов. Однако остается еще множество нерешенных проблем, относящихся к этногенезу коренных народов северо-восточной Сибири и их древних связей (этнических или контактных) с аборигенами других районов Азии и Северной Америки. Особый интерес ученых вызывают эскимосо-алеуты, создавшие на стыке Старого и Нового Света в суровых арктических условиях неповторимые культуры морских зверобоев и охотников на дикого оленя.

Откуда и когда на северные окраины Земли пришли протоэскимосоалеуты; с какими племенами, где и в какое доисторическое время они контактировали или находились в генетическом родстве; при каких обстоятельствах, на каком уровне культуры, когда и где произошло разделение самих протоэскимосоалеутов; какими путями продвигались они в области древней Берингии; устанавливается ли генетическое родство эскимосско-алеутских языков с другими языками, — эти и связанные с ними вопросы ждут еще обстоятельных ответов, которые могут быть получены лишь при условии широких комплексных исследований с участием антропологов, археологов, этнографов и лингвистов. Важное место среди этих исследований должно занять сравнительно-типологическое изучение родственных и неродственных языков коренных народов Сибири, Дальнего Востока и Северной Америки.

2. Эскимосско-алеутская языковая общность характеризуется рядом сходных черт как в области грамматического строя, фономорфологической структуры слова, так и частичными лексическими соответствиями. В целом же строй этих языков в ходе обособленного развития (после гипотетического территориального разделения) претерпел кардинальные изменения, и прямые языковые контакты между эскимосами и алеутами в наше время оказываются абсолютно невозможными.

Между тем происхождение эскимосско-алеутских языков от единой языковой основы подтверждается рядом обстоятельных лингвистических изысканий и не подлежит сомнению¹. По предположениям некоторых

¹ И. В е н и а м и н о в, Замечания о колошенском и кадьакском языках, СПб., 1846; W. T h a l b i t z e r, The Aleutian language compared with Greenlandic, IJAL, 1, 1921—1952; K. B e r g s l a n d, Aleut demonstratives and the Aleut-Eskimo relationship, IJAL, 17, 3, 1951; е г о ж е, Aleut and Proto-Eskimo, «Proceedings of the 32. International congress of americanists», Copenhagen, 1958; е г о ж е, The Eskimo-Uralic hypothesis, «Suomalais-Ugrilaisen seuran aikakauskinjasta», 1959, 61; G. M a r s h,

ученых (В. С. Лафлин, Ч. Чард, Д. Е. Думонд и др.) разделение протоэскимосскоалеутской общности произошло в период между 4000—6000 гг. до н. э.² Разделение этой общности могло иметь место или в самом начале перехода протоэскимосоалеутов на морское побережье, или в более ранний период их длительного совместного пребывания в особых экологических условиях примитивной континентальной культуры. Нижние культурные слои палеолита указывают именно на весьма низкий уровень производства по изготовлению орудий труда у протоэскимосов.

Сопоставительный анализ лексики эскимосского и алеутского языков свидетельствует о том, что сохранившиеся в незначительном числе одно-корневые слова в них, относящиеся к обозначениям предметов и явлений, совсем не отражают приморского характера жизни эскимосоалеутов³. Названия предметов морской охоты и морских зверей являются общими для всего эскимосского ареала (от Берингова пролива до Гренландии), но ни одно из этих названий не совпадает с соответствующими алеутскими. На основе лингвистических признаков также можно предполагать, что в гипотетическое время языковой общности протоэскимосоалеуты вели континентальный образ жизни, занимаясь охотой на мелкого зверя, рыболовством и собирательством. Охота на крупного морского зверя, в том числе и на кита, у приморских эскимосов получила свое развитие именно в новых экологических условиях (особенно в период древнеберингоморско-оквической культуры⁴).

Следовательно, в условиях приспособления протоэскимосов к приморскому субарктическому климату и новым видам хозяйственной деятельности произошло существенное обогащение их языка. Такое же обогащение языка новыми понятиями произошло и у алеутов, попавших в условия островной жизни с более мягким климатом. Рассмотрим один пример семантического преобразования общего протоэскимосскоалеутского слова *қа, которое, по-видимому, означало общее понятие «еда». Этим же словом называли и главный вид питания. В одних экологических условиях таким главным видом пищи могла быть рыба, в других птица, в третьих — вид определенного зверя. Так, в алеутском языке слово қах и поныне означает понятия «еда», «рыба» (надо полагать, что в течение длительного периода для протоалеутов основным ресурсом питания была рыба). От этой же основы в алеутском образовался глагол қахуу «ест» и многие производные слова. В эскимосских диалектах, по-видимому, от этого же корневого элемента (*қа-) с редуцированным гласным в анлауте образовалось слово бѣлук/бѣлѣук «рыба» (-лук/лѣук — словопроизводный суффикс). Таким образом, родовое понятие «еда» в алеутском было перенесено на понятие «рыба», а в эскимосском от этой же основы образовалось производное слово «рыба». Рыба, следовательно, для протоэскимосоалеутов в доберин-

M. S w a d e s h, Eskimo Aleut correspondences, IJAL, 17, 4, 1951; Г. А. М е н о в и ц и к о в, Эскимосско-алеутские языки, сб. «Младописьменные языки народов СССР», М. — Л., 1959; е г о ж е, Эскимосско-алеутские параллели, «Уч. зап. [ЛГПИ им. А. И. Герцена]», 167 — Кафедра языков народов Крайнего Севера, 1960; е г о ж е, Эскимосско-алеутская группа, «Языки народов СССР», V, Л., 1968.

² См., например: D. E. D u m o n d, On Eskaleutian linguistics, archaeology and prehistory, «American anthropologist», 67, 5, p. 1, 1965.

³ См. об этом: Г. А. М е н о в и ц и к о в, Эскимосско-алеутские параллели, стр. 184—192.

⁴ См.: K. B i r k e t - S m i t h, Present status of the Eskimo problem, «Indian tribes of aboriginal America. Selected Papers of the 29. International congress of americanists», Chicago, 1952. В статье дается характеристика открытых археологами в XX в. палеолитических и неолитических культур арктических охотников (культуры Ipiutaq, Dorset, Kachemak I—III, Punuk, Okvik, Birnik, Thule и др.). Советскими археологами открыта древнеберингоморская культура, поздним вариантом которой является культура Оквик.

гоморский период была одним из главных продуктов питания (ее они могли в изобилии ловить в реках, озерах и протоках вблизи морского побережья, возможно, где-то на северо-востоке азиатского континента).

Во всех эскимосских диалектах понятия «еда» и «мясо» стали обозначаться также одним словом *ны́ка*, от которого образовался глагол *ны́бакук* «есть». Известно, что основным продуктом питания для эскимосов со времен освоения ими морского промысла было мясо морских зверей. Наиболее доступным объектом добычи была нерпа, в изобилии водившаяся у побережья. Именно этот мелкий морской зверь был назван словом *ны́ксак* (*ны́хсак*), это буквально означало «для еды предназначенное» «съедобное» (*ны́ка* «еда» и *-сак* — суффикс, обозначающий предназначенность предмета для чего-либо). Вполне допустимо, что эскимосская основа *ны́ка* «еда» также восходит к протоэскимосоалеутской основе **қа* «еда», сохранившейся в современном алеутском языке. Компонент *н(ы)*- в эскимосском языке-основе мог присоединиться позднее факультативно или появляться в результате чередования *й* ~ *н* (такое фономорфологическое изменение имело место и в диалектах, ср.: сирен. *йайвых* ~ чапл. *найвак* «озеро»; наук. *игу* ~ имакл. *нийу* «нога»; сирен. *йабыйа* ~ чапл. *наву́йа* «чайка» и т. д.).

Протоэскимосоалеутская языковая общность устанавливается на основе не единичных лексических соответствий, а значительного числа единых по фономорфологической структуре и семантике именных и глагольных основ, также ряда соответствий грамматических категорий и фонетических закономерностей. Из наиболее характерных соответствий отметил нижеследующие:

1) В области фонетики — единые (за малым исключением) системы вокализма (*а, у, и*, в некоторых эскимосских диалектах еще *ы* и варианты фонем *у, и*) и консонантизма. В области консонантизма отмечаются соответствия в рядах заднеязычных *к, г, х*, увулярных *к̣, г̣, х̣*, а также звонкого *л* и глухого *л̣*, сонантов *н* и *ң*. Наблюдается значительное сходство в структуре слова и слога.

2) В области грамматики — а) общность грамматического числа: эск. ед. число *Ø*, -*к*, дв. число -*к*, мн. число -*т* (-*н*, -*й*); алеут. ед. число *Ø*, -*х*, дв. число -*х*, мн. число -*с*, -*н*; б) единое выражение (суффикс -*м*) и сходные функции относительного (род.) падежа в этих языках; в) аналогичные по функциям и частично сходные по морфологическому выражению лично-притяжательные формы имен и субъектно-объектные формы глаголов, большинство показателей которых восходит к усеченным формам личных местоимений; г) наличие в том и другом языке большого количества указательных слов-последов, выполняющих в алеутском языке полностью функции неразвившихся (в отличие от эскимосского) локативных падежей; д) общность структур номинативного и (частично) эргативного типов предложения и ряда других сходных синтаксических и фономорфологических признаков⁵.

К. Бергсланд на примере эскимосско-алеутских фонематических соответствий убедительно продемонстрировал звуковые изменения в общекорневых эскимосско-алеутских словах. К числу обнаруженных им звуковых изменений относятся деназализация *т > р*, исчезновение редуцированного гласного *ĩ* (*ə*) в гренландских и сохранение его в западных (алаякинских и азиатских) диалектах; регулярное чередование по диалектам согласных *т ~ с ~ н* в конечной позиции, согласных *т ~ щ* в начальной позиции; чередование согласных *т ~ ш, р ~ т* в срединной позиции; удвоение согласных *т, к, н, л, м* в восточных (гренландских и лабладорских) диалектах эскимосского языка и в алеутском языке; сокращение в этих же

⁵ Г. А. Меновщиков, Эскимосско-алеутская группа, стр. 252—365.

диалектах и в алеутском промежуточного гласного при стечении двух гласных. Лексические и фоморфологические соответствия между эскимосско-алеутскими языками и диалектами, отмеченные К. Бергсландом, убедительно подтверждают генетическую общность их носителей в далеком прошлом. Эти же соответствия могут быть использованы для установления типологической общности эскимосско-алеутских языков с другими языками⁶.

Кардинальные различия в строе сравниваемых языков свидетельствуют о весьма длительном изолированном развитии их в особых экологических и социальных условиях. Это, прежде всего, 1) различия в фонетике, заключающиеся в отсутствии в алеутском консонантов *в*, *п*, *ш* — им в алеутском соответствует сонант *м*; алеутские переднеязычные *т*, *д* соответствуют эскимосскому *т*; 2) различия в грамматике заключаются, прежде всего, в следующем: а) в алеутском отсутствуют локативные падежи; б) в этом языке не получила полного развития парадигма спряжения субъектно-объектного глагола: показатели субъекта имеются для всех трех лиц, а показатели объекта — только для 3-го лица (в алеутском — 18 личных форм в переходном глаголе, в эскимосском — 42); в) один и тот же принцип обозначения показателей лица обладателя при именах и лица субъекта и объекта при переходных глаголах используется как в эскимосском, так и в алеутском языках. Различие лишь в количественном использовании личных аффиксов и в их материальном (фоморфологическом) несоответствии; показатели 1 и 2-го лица объекта в алеутском обозначаются не личными суффиксами, а полными формами личных местоимений, ср.:

эск.	иҕны-ҕа «сын мой»	аҕлатаҕа-ҕа «веду-его-я»	аҕлатаҕа-ҕа «ведет-он-меня»	аҕлабаҕу-ҕа «иду-я»
алеут.	лҕа-ҕ	һакасаҕа-ҕ	һакасаҕа тиҕ	һакаку-ҕ ⁷ .

Таким образом, общий принцип использования личных показателей при именах и глаголах реализуется в этих языках по-разному.

В то время как основные тематические пласты эскимосской лексики по всем диалектам от Берингова пролива до Гренландии представляются общими, в алеутском языке для обозначения тех же понятий и названий используются (в сравнении с эскимосскими) разнокорневые слова⁸. Представляется вероятным, что протоалеуты, отколовшись несколько тысячелетий тому назад от протоэскимосов, продвигались в область древней Берингии и Алеутских островов более южными путями. При своем продвижении они могли встретить иноязычные палеоазиатские племена (или племя) и на протяжении длительного времени полностью ассимилировать их (его). Лексика ассимилированных языков (языка) в массе своей могла быть заимствована и адаптирована протоалеутами и подчинена фоморфологическим и грамматическим правилам и нормам их языка. Предположение об иноязычном субстрате в алеутском языке возникает в связи с тем, что главнейшие элементы его грамматической системы сохраняют общность с соответствующими чертами протоэскимосского языка, тогда как лексический состав этих языков в массе своей значительно различается.

Релевантный характер архетипов лексических и фоморфологических единиц эскимосско-алеутских языков способствует установлению относительной хронологизации их праязыковой общности, датируемой нами гипотетическим периодом палеолитической доприморской культуры

⁶ К. Bergsland, The Eskimo-Uralic hypothesis.

⁷ Г. А. Меновщиков, Алеутский язык, «Языки народов СССР», V, стр. 389—398; его же, Эскимосский язык, стр. 369—373, 376—377.

⁸ См.: Г. А. Меновщиков, Эскимосско-алеутские параллели, стр. 182.

протоэскимосоалеутов. Разумеется, здесь не могут быть названы конкретно столетия и даже тысячелетия для датировки протоэскимосско-алеутской общности. Лексико-статистические исчисления Сводеша, датирующего период разделения этой общности в 4—5 тыс. лет до н. э., а также подсчеты некоторых этнологов (В. С. Лафлин, Л. Ирвинг, М. Г. Левин, Г. Ф. Дебец, Д. Е. Думонд), устанавливающих возраст языковой общности эскимосо-алеутов в пределах между 4—6 тыс. лет до н. э., представляются весьма относительными, хотя и заманчивыми, для решения вопросов эскимосско-алеутской этногенетической ситуации⁹.

В объяснении разительных отличий в лексике и в частях грамматического строя эскимосско-алеутских языков должен быть совершенно исключен процесс массового табуирования, который в отдельных слоях лексик и явлений, относящихся к области духовной и (реже) материальной культуры. Несмотря на обширную пространственную конфигурацию современных эскимосских диалектов и языков, их неоднократное смешение и разделение в ходе исторического развития эскимосского общества, они сохраняют общие грамматические черты и не обнаруживают явной стратификации. Алеутский же язык в этом отношении оказывается затемненным, и наличие в нем древнейших иноязычных напластований представляется нам вероятным. Не исключается также и тот факт, что эскимосско-алеутские языки еще в доберингоморскую эпоху развивались параллельно на основе общей грамматической системы.

3. Ближайшими соседями эскимосо-алеутов со стороны Северо-Восточной Азии были палеоазиаты Чукотки и Камчатки, со стороны субарктических областей Америки — отдельные племена северных индейцев (атапаски, тлинкиты и др.). Эскимосско-алеутские языки не обнаруживают прямого генетического родства ни с одним из языков этих народностей. Хозяйственные и культурные контакты различных племен на стыке Старого и Нового Света в течение всего берингоморского периода оказали лишь частичное влияние на проникновение отдельных элементов из языка в язык. Американские эскимосы и алеуты контактировали с индейцами, азиатские эскимосы — с палеоазиатами Чукотки и Камчатки (чукчами, коряками, а через них — с керекками, юкагирами, ительменами).

Контакты азиатских эскимосов с чукотско-камчатскими народами подтверждены не только археологическими и историко-этнографическими данными, но и лингвистическими фактами, прежде всего — проникновением лексических и грамматических элементов из языка в язык. Не исключена возможность, что в более ранний, не засвидетельствованный достоверно наукой, период, весь протоэскимосскоалеутский этнический массив соседствовал и контактировал со многими иноязычными племенами Дальнего Востока, Восточной и Западной Сибири.

В результате длительного соседства, хозяйственных и культурных контактов азиатских эскимосов и чукчей происходило взаимное обогащение их языков. В качестве языка-посредника функционировал чукотский язык¹⁰. Малочисленная группа азиатских эскимосов заимствовала из языка своих иноязычных соседей и адаптировала большое число качественных наречий, модальных слов, союзов, частиц, что оказало определенное влияние на перестройку морфологической структуры эскимосского глагола, а также простого предложения. Так, качественные и модальные оценки,

⁹ M. Swadesh, *Unaaliq and Proto-Eskimo*, IJAL, 1, 1951—1952; D. E. Dixon, указ. соч.

¹⁰ П. Я. Скворик, Чукотско-камчатские языки, «Языки народов СССР», V, стр. 235 и сл.; Г. А. Меновщиков, Некоторые типы языковых контактов у аборигенов Крайнего Северо-востока Сибири, М., 1970 (VII МСК, Болгария, Варна).

выражающиеся в эскимосском языке обычно аффиксальным способом, с проникновением в него чукотских служебных слов и их адаптацией, стали в ряде случаев вытесняться последними, в результате чего упростилась структура глагола, причем количество лексических единиц в предложении стало больше. Ср., например: *игапигыснамалбѳа* «напрасно-писал-я» (суффикс - *пигысна* означает напрасно совершаемое действие), *лыганитык игамалбѳа* «напрасно писал-я» (заимствованное из чукотского языка наречие *лыганитык* «напрасно» делает избыточным в эскимосском глаголе оценочный суффикс -*пигысна*). В предложении *Абулакыбѳахпѳык, панинаѳ пуйгунигатамкын* «Хотя ты и уехал, все-таки не забываю я тебя» заимствованный и адаптированный эскимосским языком чукотский уступительный союз *панинаѳ* (чукот. *панѳна*) может быть опущен, поскольку значение уступительности выражено аффиксально (суффикс - *бѳа*) в форме деепричастия *абулабѳахпѳык* «хотя ты и уехав». Во многих случаях заимствованное чукотское служебное слово заменяет исконно эскимосский синтетический способ выражения комитативного значения. Так, комитативная частица -*нкук* не только употребляется одновременно с заимствованным чукотским союзом *ынкам* «и», но и вытесняется последним. Ср.: (1) *Кавитанкук Муминкук кайиѳук* / (2) *Кавитанкук ынкам Муминкук кайиѳук* / (3) *Кавита ынкам Муми кайиѳук* «Кавита и Муми топят жир».

Примеров замены синтетического способа выражения тех или иных оценочных и других семантических значений в эскимосском языке аналитическим способом на основе заимствованных из чукотского языка служебных слов можно привести большое число ¹¹, но и приведенных достаточно для характеристики проницаемости отдельных, не определяющих эскимосской грамматики, элементов. Эскимосско-чукотское двуязычие явилось основным условием заимствования чукотской периферийной (служебной) лексики, что вызвало обогащение азиатско-эскимосского языка дополнительными средствами выражения оценочных и комитативных значений. Но лексические заимствования не смогли повлиять на основы грамматического строя азиатско-эскимосского языка, оставшихся общими со строем его американских и гренландских подразделений. Следовательно, проникновение периферийной (служебной) лексики из чукотского языка в азиатско-эскимосский представляет собою более поздний процесс, относящийся к периоду постоянных контактов их носителей. Результаты подобного взаимодействия разносистемных языков нет оснований рассматривать как проявление генетического родства, поскольку явных лингвистических тождеств между чукотско-камчатскими языками и эскимосско-алеутскими языками Америки не обнаруживается ¹².

Массовое проникновение служебных лексических средств из чукотского языка в язык азиатских эскимосов было обусловлено прежде всего причинами экстралингвистического порядка, к которым в первую очередь относятся социально-экономические причины (обмен ресурсами морского промысла и оленеводства), а с последними непосредственным образом связано взаимообогащение духовными ценностями (разные виды фольклора, обрядовые празднества и т. д.). В плане логическом массовое проникновение и адаптация чукотских наречий, союзов, частиц в диалекты языка азиатских эскимосов оказались возможными по той причине, что синтетический способ обозначения качественно-количественных, модальных, темпоральных, комитативных и других семантико-грамматических значений,

¹¹ Г. А. Меновщиков, Грамматика языка азиатских эскимосов, ч. 2, М.—Л., 1967, §§ 250, 268, 272—273, 278, 310—312.

¹² Ср.: M. Swadesh, Linguistic relations across Bering strait, «American anthropologist», 1962, 64, где генетическое родство между чукотско-камчатскими и эскимосско-алеутскими языками устанавливается по ряду несистемных языковых признаков.

присущий эскимосскому языку, не противопоставляется аналитическому способу выражения этих же значений в чукотском языке: оба этих способа сосуществуют и в том, и в другом из сравниваемых языков.

Весьма характерно, что в составе общей знаменательной лексики, обнаруживаемой в языке азиатских эскимосов и чукотско-камчатских (палеоазиатских) языках, почти нет терминов, относящихся к приморской культуре. Кроме того, фоморфологическая структура таких общих слов указывает на возможность непосредственных древних контактов эскимосов не только с чукчами, но и с коряками: эти общие слова по составу фонем, несмотря на наличие в чукотском и корякском языках гармонии гласных, более сходны в эскимосском и корякском, чем в эскимосском и чукотском, а ряд общих слов обнаруживается только в эскимосском и корякском и не зафиксирован в чукотском. Ср., например: эск. чапл. *пинасиқ* «кисть для краски» (эск. *пина* «краска», *пинафа* «амулет») ~ коряк. *пинақ* «кисть для раскраски одежды»; эск. *лалала* ~ коряк. *лалал*, чукот. *лелел* «роса»; эск. *улақ* ~ коряк. *йала*, чукот. *йалы* «нож»; эск. *сирен. ну* «сын» ~ коряк. *ун'ун'у* «младенец»; эск. *сирен. митита* ~ коряк. *мит'амит* «цветок»; эск. *наук. гив'ш* «год» ~ коряк. *гивик* «прожил год» (*гэвэгыйңын* «год»); эск. *пайакит* ~ коряк. *пайакат* «икры ног»; эск. *наук. умкы* «крепость» ~ коряк. *умкын*, чукот. *умкуут* «лес»; эск. *увиный* ~ чукот., коряк. *увик* «тело; туловище»; эск. *уйавани* ~ коряк. *уйекэ*, чукот. *айакэн* «далеко»; эск. *йайвали* ~ коряк. *йайвал/йейвэл*, чукот. *ейвэл* «сирота»; эск. *кайңа* ~ коряк. *кайңын*, чукот. *кэйңын* «бурый медведь»; эск. *қуйңиқ* ~ коряк. *қойаңа*, чукот. *қораңа* «колень домашний»; эск. *тыланаңа* ~ чукот. *тыленәң* (коряк. *катыннын*) «шарус»; эск. *сирен. аймимх* ~ коряк. *айгывэ* «раньше» (коряк. *айговэ* «недавно»), эск. чапл. *агра* ~ чукот. *агран* «полог»; эск. чапл. *айвақ* «северный ветер», *айша* «северная сторона» (наук. *айгуқ* «север») ~ чукот. *айвал* «подветренное место», *айвач* «загородка от ветра», *айван* «эскимос», коряк. *айгыткын* «север»; эск. чапл. *гуйгу* ~ чукот., коряк. *гуйгун* «дом»; эск. *сирен. тилма*, алеут. *тиллах* ~ чукот. *тилмытыл* «орел»; эск. чапл., наук. *авра* ~ чукот. *эвиръын* «пушнина; одежда».

Отдельные параллели эскимосским словам обнаруживаем и в далеко отстоящих чукотско-камчатских языках — керекском и ительменском: Ср.: эск. чапл. *палиқ* «загар; увядание» ~ керек. *па'ал'ан* «солнце»; эск. *ңылъқақ* ~ керек. *ңылъқақ* «баклан»; эск. *на, ины, ны* ~ керек. *имың*, коряк. *нымнын* «жилище» (чукот. *нымытвак* «жить»); эск. чапл. *ипапик* ~ керек. *иппа* «правда»; эск. *кйўк* ~ ительм. *кйх* «река».

В области грамматики в эскимосско-алеутских и чукотско-камчатских языках частично типологически общими оказываются показатели числа, ср.:

	Ед. число	Дв. число	Мн. число
Алеут.	(-ф)	-х	-н, -с
Эск.	(-ф)	-к	-т, -н, -й
Чукот.	(-н)	—	-т
Коряк.	(-н, -ңа)	-т, -ти/тә	-в', -в'в' -у/о
Керек.	(-н, -ңа)	-т, әт, -ти	-кжу
Ительм.	—	—	-н

Показатели мн. числа -н, -с, -т, -й в эскимосско-алеутских языках материально совпадают с показателями дв. числа в корякском и керекском языках, эскимосский суффикс мн. числа -т идентичен чукотскому -т, алеутский суффикс мн. числа -н — ительменскому -н.

В парадигме спряжения эскимосского языка суффикс -тык означает 2-е лицо дв. числа субъекта в непереходных глаголах и 2-е лицо дв. числа объекта — в переходных. В чукотском языке фонетически аналогичный

суффикс (-*тык*) означает 2-е лицо мн. числа субъекта и объекта, а в корякском в некоторых наклонениях переходного глагола — 2-е лицо дв. числа субъекта и объекта. Необходимо, однако, иметь в виду, что в эскимосском конечный -*к* суффикса -*тык* является показателем дв. числа (ср. -*тык* «двое вы», но -*тын* «ты») и, следовательно, этот суффикс оказывается здесь составным; по образованию суффикс -*тык* восходит к усеченной форме личного местоимения *лпытык* «двое вы» (ср. *лпык* «ты», *лпытык* «вы двое», *лпыси* «вы»). Таким образом, возводить эти суффиксы в чукотско-камчатских и эскимосском языках к одному источнику не представляется возможным.

Примечательно, что корякский суффикс 1-го лица ед. числа объекта -*н* в переходных глаголах будущего I времени совпадает с идентичным показателем 1-го лица ед. числа субъекта и объекта в языке сиренинских эскимосов и с показателем 1-го лица ед. числа субъекта (а также с лично-притяжательным суффиксом 1-го лица ед. числа) в алеутском языке. В эскимосских диалектах этот суффикс в тех же функциях выступает в форме -*на*. В этом случае имеет место материальное и семантическое сходство грамматического показателя. Сравнимые языки имеют и другие сходства фономорфологического характера, но их так мало, а в целом грамматический строй между этими языками настолько различен, что говорить о едином праязыке для них представляется некорректным на современном этапе научных знаний¹³.

4. Материальные и семантические сходства в области лексики и фономорфологической структуры не ограничиваются лишь эскимосско-алеутскими и чукотско-камчатскими языками. Сходства типологического характера обнаруживаются в эскимосско-алеутских языках, с одной стороны, и в тунгусо-маньчжурских, тюркских и финно-угорских, с другой. Обратимся к краткому обзору исследований по затронутому вопросу.

Датский ученый М. Вельдике еще в 1745 г. обратил внимание на сходство отдельных сторон строя гренландского (эскимосского) и венгерского языков, в том числе на а) отсутствие скопления нескольких согласных в начале слова, б) отсутствие категории рода, в) аналогичность способов обозначения лично-притяжательных форм имен и субъектно-объектных форм глаголов, а также способов образования глаголов; наличие послелогов¹⁴. М. Вельдике не предполагал, однако, генетического родства между этими языками.

Датский ученый Р. Раск в 1818 г. отнес эскимосский язык к «скифской» семье. Он отметил сходное обозначение категории мн. числа в эскимосском и финно-угорских языках, эскимосский инфинитивный суффикс -*нег* сравнил с венг. -*ni*, привел несколько лексических параллелей эскимосского с саамским, венгерским, финским, отдельными тюркскими языками¹⁵. Такие лексические соответствия, как эск. *kina* «кто» ~ тюрк., венг. *kín*, *ki*, *kim*; эск. *mane* «здесь» ~ якут. *манна* ~ тюрк. *munda*; эск. *manik* «ляйцо» ~ саам. *tonne*; эск. *katik* «обувь» ~ саам. *gata*; эск. *qajaq* «каяк» ~ якут. *qajiq*; зап. эск. *tunraq* «дух», «божество» ~ тюрк. *tenri* «небесный дух; божество»; эск. *qajige*, *qajgi* (азиат. эск.), *qashge* «общественный дом», «большая землянка» (ср. *qajgu* «корни дерева») ~ айну *kashi* «охотничий домик» ~ япон. *kaji*, *kashi* ~ хант. *xat*, *kot* «палатка» ~ фин. *koti* ~ саам. *kāote*, *kāohte* ~ венг. *ház* «дом» ~ датско-норв. *hutta* ~ нем. *hütte* ~ ст.-

¹³ В этой связи неубедительны утверждения М. Сводеша о несомненном генетическом родстве эскимосского и чукотско-камчатских языков (см.: M. S w a d e s h, Linguistic relations across Bering strait).

¹⁴ См. об этом: K. B e r g s l a n d, The Eskimo-Uralic hypothesis, стр. 4.

¹⁵ R. R a s k, Undersögelse om det gamle Nordiske eller Islandske sprogs Ordindelse København, 1818.

ирл. *kattia* ~ и.-е. * *keudh* и ряд других, отмеченных в первых сопоставительных работах И. Орлинга, Е. Линдаля, Р. Раска, В. Талбитцера, К. Уленбека¹⁶, позднее повторялись и дополнялись рядом других авторов.

В. Талбитцер и К. Уленбек приложили много усилий, стремясь обнаружить генетическое родство между индоевропейскими и эскимосскими языками. На основе фономорфологического и лексического тождества нескольких десятков слов они с некоторыми оговорками утверждали наличие такого родства, однако не исключали также и возможности заимствования лексики в результате контактов, аккультурации и случайных звуковых и семантических совпадений. Ценный сопоставительный материал по индоевропейско-эскимосским соответствиям, собранный и прокомментированный К. Уленбеком и В. Талбитцером, а также их суждения и выводы относительно межъязыковых связей представляют несомненный научный интерес для сопоставительных исследований.

К. Уленбек, выдвинувший гипотезу эскимосско-индоевропейских языковых связей, в своих статьях на эту тему использовал около 120 эскимосских слов, которым пытался найти параллели в индоевропейских языках. При этом он считал, что материальное и семантическое сходство ряда слов в этих языках может быть объяснено аккультурацией в течение длительного симбиоза двух языковых групп на территории Сибири. Он также не отвергал возможности генетического родства между этими языками в глубокой древности.

Т. Ульвинг, отмечая смелые эксперименты К. Уленбека, справедливо указывает, что «перед тем, как сравнивать эскимосские слова со словами других языковых семей, эскимосский словарь необходимо подвергнуть тщательному и систематическому внутреннему анализу. Это значит, что морфологическая структура его составных частей по возможности должна быть изучена, их взаимосвязь выяснена и замаскированные аффиксы отделены от основ»¹⁷. Т. Ульвинг показал на конкретных примерах, как игнорирование морфологического строения эскимосского слова приводит К. Уленбека к ошибочным эскимосско-индоевропейским сравнениям¹⁸.

Взгляды многих из упомянутых исследователей на обнаруженные ими сходжения эскимосско-алеутских языков с языками других семей (урало-алтайскими, индоевропейской) обстоятельно прокомментировал К. Бергсланд, который весьма осторожно относится к разрозненным лексическим и фономорфологическим параллелям из разносистемных языков, привлекаемым для установления их генетического родства или типологического сходства¹⁹.

5. К грамматическим чертам, которые типологически совпадают в эскимосско-алеутских, чукотско-камчатских, тунгусо-маньчжурских и финно-угорских языках, относятся типы субъектного и субъектно-объектного спряжения с обязательным личным оформлением глагола, а также сходные с ними типы образования лично-притяжательных форм имени. Так,

¹⁶ См.: С. С. Uhlenbeck, *Uralische Anklänge in den Eskimosprachen*, ZDMG, 59, 1905, стр. 757—765; е го же, *Zur Eskimogrammatik*, ZDMG, 60, 1906, стр. 112—114; 61, 1907, стр. 435—438; е го же, *Oude Aziatische contacten van het Eskimo*, «Mededeel. d. Nederl. Akad. V. Wetensch., Afd. Letterkunde, N. R., Deel 4, 7, 1941; W. Thalbitzer, Is there any connection between the Eskimo language and the Uralian?», «Atti del XXII Congresso intern. degli americanisti», II, Roma, 1928, стр. 551—567; е го же, Possible early contacts between Eskimo and Old world languages, «Indian tribes of aboriginal America. Selected papers of 29-th International congress of americanists», 3, Chicago, 1952, стр. 50—52.

¹⁷ T. U l v i n g, Two Eskimo etymologies in the light of consonant gradation, «Studia linguistica», VIII, 1, 1954, стр. 18.

¹⁸ Там же, стр. 18—19, 31—33.

¹⁹ См.: K. Bergsland, The Eskimo-Uralic hypothesis.

образование субъектных форм глаголов эскимосско-алеутских языков в структурно-морфологическом плане сопоставимо с такими же формами в чукотско-камчатских, самодийских и урало-алтайских языках. Показатели 1 и 2-го лица субъекта в этих переходных языках восходят к усеченным или стяженным формам личных местоимений, присоединяемым к глагольному слову. В одних из сравниваемых языков наличествует шесть субъектных форм (ед. и мн. числа трех лиц), в других — девять (ед., дв. и мн. числа трех лиц — например, в эскимосском, корякском и обско-угорских языках). Субъектно-объектные парадигмы глагола в ряде сравниваемых языков имеют от 12 до 63 личных форм. 12 личных форм находим в языках, где субъект изменяется в трех лицах ед. и мн. числа, а объект выражен только в 3-м лице (в чукотском языке, в финских, мордовских, марийских, пермских языках); 18 личных форм — в языках с объектом только в 3-м лице, в котором к тому же получило выражение дв. число (алеутский, хантыйский, мансийский); 42 личных формы — в языках с показателями субъекта во всех трех лицах ед. и мн. числа и показателями объекта во всех трех лицах и числах (ед., дв., мн.). Наконец, логически завершенная парадигма из 63 личных форм отмечена в языке науканских эскимосов и в обско-угорских языках (хантыйском, мансийском), где субъект и объект действия маркированы каждый во всех трех лицах и трех грамматических числах²⁰. Несмотря на несовпадение количества личных форм в этих языках, принцип личной аффиксации глагола остается для них общим.

Особого внимания заслуживает типологическое тождество лично-притяжательных форм имен и субъектно-объектных показателей в переходных глаголах в эскимосских и уральских языках. В тех и других языках лично-притяжательный показатель в имени указывает на принадлежность предмета лицу и этот же показатель в глаголе является субъектно-объектным, характеризуя направленность действия данного лица на объект, ср.:]

Хантыйский язык

Имя		Глагол	
<i>еут-ам</i>	«мой олень»	<i>тут-ам</i>	«несу-я-его»
<i>еут-эн</i>	«твой олень»	<i>тут-эн</i>	«несешь-ты-его»
<i>еут-ат</i>	«его олень»	<i>тут-тэ</i>	«несет-он-его»

Эскимосский язык (чапл.)

<i>ибныт-қа</i>	«мой сын»	<i>аглатақа-қа</i>	«несу-я-его»
<i>ибныт-ы-н</i>	«твой сын»	<i>аглатақа-н</i>	«несешь-ты-его»
<i>ибныт-а</i>	«его сын»	<i>аглатақһ (-а)</i>	«несет-он-его»

Такое тождество лично-притяжательных и субъектно-объектных показателей распространяется на полные парадигмы имен и глаголов. А. Соважо сопоставляет спряжение глаголов в финно-угорских языках с типологически сходным спряжением в эскимосском и, как ряд других авторов, отмечает, что маркированные показатели субъекта и объекта в этих языках восходят к местоименным элементам²¹.

Образование личных показателей имен и глаголов из местоименных элементов характерно не только для эскимосско-алеутских, чукотско-камчатских, финно-угорских, но также тунгусо-маньчжурских, тюркских и ряда других языков. Эскимосские лично-притяжательные формы можно сравнить, например, с эвенкийскими, между которыми не только выяв-

²⁰ «Языки народов СССР», III, М., 1966, стр. 330, 352; V, стр. 369—373, 376—377.

²¹ A. S a u v a g e o t, Caractère ouraloïde du verbe esquimau, BSLP, 49, 1, 138, 1953.

Таблица 1

Лично-притяжательные формы

Лицо обладателя	Эскимосский язык			Эвенкийский язык	
	число предмета			число предмета	
	ед. ч.	дв. ч.	мн. ч.	ед. ч.	мн. ч.
1-е л. ед. ч.	-ка	-хка	-нка	-ѳ/-м, -ми/-ѳи	-ѳи/-ѳи
1-е л. мн. ч.	-(х)нут	-хнут	-вут/-нут	-вун/-мун/-пун	-вун/-бун
2-е л. ед. ч.	-н	-тык	-тын	-с, -ни	-ли/-ри(-си)
2-е л. мн. ч.	-(х)си	-хси	-ѳи/-си	-сун, -нун	-лун/-рун(-сун)
3-е л. ед. ч.	-а	-хык	-и	-н, -ин	-ин
3-е л. мн. ч.	-ат	-хыт	-ит	-тын	-тын

ляется типологическая (структурная) общность, но усматриваются частично и фонеморфологические сближения (ср. табл. 1).

Заманчивым для типологического сравнения представляется материальное и семантическое сходство эскимосских суффиксов 1-го лица мн. числа *-нут/-вут* с эвенкийскими суффиксами этого же значения *-вун/-мун*, *-пун*, а также ряда суффиксов 2 и 3-го лица. Подобное сопоставление можно распространить на все тунгусо-маньчжурские и монгольские языки, в которых показатели лица при именах и глаголах, как и в эскимосско-алеутских языках, восходят к усеченным формам личных местоимений²².

По мнению А. Соважо, агглютинация усеченных местоименных элементов для выражения субъектно-объектных отношений в глаголе и лично-притяжательных в имени не является слишком древней, а сами способы этой агглютинации варьируются от одного диалекта к другому и даже внутри отдельного диалекта²³. Подобное варьирование способов агглютинации наблюдается не только в финно-угорских и чукотско-камчатских языках, но и в эскимосско-алеутских (см. стр. 49). Общим для тех и других языков оказывается морфологический способ передачи субъектно-объектных отношений; это позволяет предполагать, что типологическое сходжение данной грамматической особенности названных языков могло возникнуть в результате конвергентного развития каждого из них или под влиянием возможных длительных языковых контактов.

Из области словообразования сопоставимыми в фонеморфологическом и семантическом отношении представляются, например, эскимосские суффиксы *-та/-ты*, *-лык* и соответственно тюркские *-чы/-чи/-сы*, *-лык/-луқ/-лик*. Посредством эск. *-та*, тюрк. *-чы* образуются имена, обозначающие деятеля по роду занятий, профессии, посредством эск., тюрк. *-лык* — имена обладания, совокупности или соотнесенности предмета с чем-либо. Ср. эск. *игақ* «книга» — *игахта* «учитель», *укини* «пить» — *укиниста* «портной, швея» и тюрк. *ары* «пчела» — *арычы* «пчеловод», *балыг* «рыба» — *балыгчы* «рыбак»; эск. *аңйақ* «лодка» — *аңйалык* «имеющий лодку; хозяин лодки», *ата* «отец» — *аталык* «имеющий отца» и татар. *тау* «гора» — *таулык* «гористая местность», чуваш. *кус* «глаз» — *куслах* «очки»²⁴.

²² «Языки народов СССР», V, стр. 20, 40, 62, 74, 79, 92, 97, 114 и сл.

²³ См.: А. Саувагеот, указ. соч.

²⁴ См.: Э. В. Севортян, К соотношению грамматики и лексики в тюркских языках, сб. «Вопросы теории и истории языка», М., 1952, стр. 311—314.

Общетюркский аффикс *-к* (*-ак*), придающий образуемым им словам субстантивное значение²⁵, по функции и с точки зрения фонетической сопоставим с общэскимосским субстантивным аффиксом *-к/-х*.

В области лексических соответствий между эскимосско-алеутскими и некоторыми другими, сравниваемыми здесь языками также обнаруживаются сопоставимые по семантическим и фономорфологическим признакам слова. Изоглоссу самой большой протяженности имеет, например, вопросительное местоимение *ки/кин/кина* «кто», ср. алеут. *кин* ~ эск. *кина* ~ ительм. *ке* ~ юкаг. *кин* ~ селькуп. *кут* ~ коми-перм., удм. *кин* ~ марийск. *кӱ/кӧ* ~ мокш., эрзян. *кие* ~ саам. *ке* ~ ливск. *кис* ~ ижорск., вепск., карельск. *кен* ~ эст. *кес* ~ венг. *ки* ~ калм. *кӕн* ~ бурят. *хен* ~ тюрк. *ким*.

Территориально более близки следующие лексические соответствия: эск. *пу* «древко; рукоятка» ~ селькуп. *по* «дерево; палка»; алеут. *қах* «еда; рыба» ~ эск. *ика-льук* «рыба» ~ селькуп. *кель* «рыба» ~ нган. *коль* ~ энецк. *каче* ~ ненец. *һала*; эск. *танџи* «пришелец; чужеземец; враг» (мн. ч. *танџит*) ~ чукот., коряк. *танџитан* ~ эвенск. *танџан* «шлен; неволя», (ср. в тунгусо-маньчжурских языках основа глагола *чаңи-/таңи-* «разбойничать; бродяжничать» (ср. эвенк. *чаңит* «бродяга; разбойник; людоед; черт» ~ ороц. *чиңити* «воин, силач; вражда» ~ орокск. *таңичи* «враг»; в фольклоре этих народностей *чаңит* — название неизвестного древнего племени, с которым у эвенков были столкновения)²⁶; эск. *қуйџиқ* «олень домашний» ~ чукот. *қораңа* ~ коряк. *қойаңа* ~ хант. *қалаң* (хант. *қор/қор* «бык олений»); эск. *йук* «человек», *йугит* «люди» ~ хант. *йог*, *йогит* «пришлый (далекий) человек, пришлые (далекие) люди»; эск. *қалу* «сачок для рыбы» ~ алеут. *қалат* ~ саам. *галлет*; эск. *камык* «обувь» ~ саам. *гәма* ~ морд. *кеме*²⁷; эск. *ма* «пространство в окружности» ~ хант. *ма* «земля»; алеут. *каликақ* «письмо; грамота; книга» ~ сев.-инд. помо *каликак* ~ сев.-инд. хайда *килкалан* ~ чукот. *келикэл* ~ коряк. *кали²кал* (ср. в языке гренландских эскимосов *каликалавпоқ* «оставлять след после себя», эск. д. Унгава *каликпоқ* «буксировать», эск. д. паллигмиут *каллигайџоқ* «прикасаться»)²⁸; эск. *нами* «где» ~ юкаг. *намаң* «где; что»; эск. *ны/на/ыны* «дом; жилище» ~ юкаг. *нимэ*; эск. сирен. *мыңа* «я» ~ юкаг. *мэт*; эск. ара-«кричать» ~ юкаг. *ару* «слово»; эск. *тана* «этот» ~ юкаг. *тән*; эск. *игна* (*тайигна*) «тот дальний» ~ юкаг. *тигин*, и т. д.

Выявление фономорфологических и лексических соответствий между эскимосско-алеутскими языками, с одной стороны, и чукотско-камчатскими, самодийскими, финно-угорскими, тунгусо-маньчжурскими, монгольскими и тюркскими, с другой, открывает большие возможности для сравнительно-типологических исследований. Приведенные соответствия между эскимосско-алеутскими и некоторыми языками Дальнего Востока, Сибири и Европейской части СССР, в которых нашел проявление целый ряд схождений на разных уровнях их строя, могут указывать, по меньшей мере,

²⁵ См.: Э. В. Севортян, указ. соч., стр. 342—346; Г. А. Меновщиков Грамматика..., ч. 1, М.—Л., 1962, стр. 81—82.

²⁶ Г. М. Василевич, Эвенкийско-русский словарь, М., 1958, стр. 115, 515; «Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков», рукопись (ИЯ АН СССР, 1973).

²⁷ Саамские и мордовские примеры приводятся по статье: K. Bergsländ, The Eskimo-Uralic hypothesis.

²⁸ C. W. Schultz-Lorenzen, Dictionary of the West Greenland Eskimo language, København, 1927 (Re-issue 1967), стр. 110; A. Thibert, English-Eskimo dictionary Eskimo-English, Ottawa, 1969, стр. 96; L. Schneider, Dictionnaire esquimaux-français du parler de l'Ungava, Quebec, 1970, стр. 104.

на прямые или опосредованные контакты носителей этих языков в условиях весьма древней гипотетической территориальной общности разноязычных народов евроазиатского ареала.

Мы оставляем в стороне эскимосско-индоевропейские соответствия на разных уровнях языкового строя. Такие соответствия в целях установления генетического родства между этими семьями языков выявлялись в разное время К. Уленбеком, В. Талбитцером, Л. Хаммерихом и другими исследователями, при этом на основе случайных отождествлений делались, как уже отмечалось выше, смелые и часто недостаточно обоснованные выводы о возможном древнем генетическом родстве протоэскимосского и индоевропейских языков. Что же касается схождения типа **ni*- «новый; молодой» (ср. эск. *nutaq* «новый», *nikaq* «юный брат») ~ и.-е. **nei-* (греч. νεός, лат. *nevus*, гот. *niujus*, сербо-хорв. *nava*, откуда греч. νεαός «молодой парень», лат. *novicius* «молодец»), то они могли оказаться или случайными, или же распространившимися в результате длительного прямого или опосредованного контактирования различных народов на стыке Северной Азии и Восточной Европы. К такому же типу эскимосско-индоевропейских схождений относятся эск. **tu* «ударять; протыкать» ~ и.-е. **teu-* (иногда с префиксом *s-*) то же; эск. **tu* «давать» ~ и. е. *do-* то же; эск. *ulik* «покрывало», *ile* «морской прилив» ~ и.-е. **u-l-* «накрывать»; эск. **an-*, *anig(R)* «дышать; дуть», отсюда гренл. *anerpoq* «дышит», *anore* «ветер» (азиат. эск. *anuga*) ~ и.-е. *anH-* «дых; дышать», ср. лат. *animus*²⁹.

Мы глубоко убеждены, что такие одиночные лексические и фонетические «тождества», как алб. *taja* «высокий; вершина» и эск. *taju-* «подниматься на гору» или лат. *kulmen* «вершина» и эск. *kula* «верх» являются случайными совпадениями и не могут служить аргументом при установлении языкового родства.

6. В пределах одной языковой общности соседние диалекты и родственные языки в большей мере обладают сходными строевыми чертами, нежели диалекты и родственные языки, отделенные друг от друга языками другого типа или же дальностью расстояния (например, эскимосы гренландские и азиатские). Языковая непрерывность в пределах одной языковой семьи может быть нарушена на отдельных территориях из-за перемещения той или иной народности с одной территории на другую либо из-за интенсивности распространения одного диалекта (языка) за счет другого. Таким образом, степень родства языков можно установить, в своих сопоставлениях переходя от одного родственного языка к другому, а затем уже — последовательно привлекая к изучению отдаленно родственные и, наконец, гипотетически родственные языки. Эта правильная, с нашей точки зрения, мысль принадлежит М. Сводешу³⁰.

Мы считаем, что установление родства или типологического сходства между языками надо начинать не с сравнения изолированных и случайных языковых фактов эскимосского и индоевропейских языков (или даже территориально близких эскимосского и чукотского, вопреки М. Сводешу), а со сравнения грамматических систем, прежде всего, родственных диалектов и языков (например: эскимосских между собою, а затем — эскимосских и алеутских). На втором этапе целесообразно развернуть поиски типологических и генетических связей между эскимосско-алеутскими языками и ближайшими к ним территориально и историче-

²⁹ См. также ряд других соответствий, приводимых в целях доказательства родства этих разнотипных языков, например: L. L. Hammerich, Can Eskimo be related to Indo-European?, IJAL, 17, 1951, стр. 217 и сл.

³⁰ M. S w a d e s h, Linguistic relations across Bering strait.

ски чукотско-камчатскими, тунгусо-маньчжурскими, самодийскими, финно-угорскими и другими языками, опираясь при этом не на случайные лексические и фономорфологические «особенности», извлеченные из этих разносистемных языков, а исходя из сопоставления целых серий совпадающих форм и слов, из учета места их в системе и объема функционирования. Поиски же родства эскимосского языка с индоевропейскими, минуя ближайшие семьи языков, представляются малоубедительными.

Семантически и структурно совпадающие единицы сравниваемых языков необходимо рассматривать сначала отдельно в каждом из языков с учетом его внутренних фономорфологических закономерностей. Если же анализ языкового материала в каждом из языков показывает аналогичные результаты, подтверждаемые тождеством не единичных фактов, а серий и целых систем их, лишь в этом случае можно обоснованно судить о возможном языковом родстве.